

К 80-ЛЕТИЮ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

С. А. МАКАШИН «О “ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДСТВЕ”»

*Предисловие и публикация Александра Галушкина;
подготовка текста Александра Галушкина;
комментарии Максима Фролова (Москва)*

В прошлом году старейшему историко-литературному изданию России «Литературное наследство» исполнилось 80 лет. Учрежденное в августе 1931 г. как орган Российской ассоциации пролетарских писателей и Института литературы и языка Коммунистической академии, с годами «ЛН» снискало себе заслуженную славу и авторитет среди ученых всего мира. Многие тома «ЛН» стали образцами исследовательских стратегий и эдиционно-текстологических решений, не потерявших своей актуальности и по сей день.

Между тем история самого «ЛН» как уникальной научной институции малоизвестна и не исследована.

Публикуемая ниже статья «О “Литературном наследстве”» написана одним из создателей «ЛН» Сергеем Александровичем Макашиным (1906–1989) и является наиболее полным на сегодня очерком истории «ЛН»¹. Над этим текстом бессменный, на протяжении почти 60 лет, редактор «ЛН» работал до последних дней.

«В последние месяцы жизни с особенной силой проявился его замечательный характер, — писали коллеги С. Макашина по “ЛН” в некрологе. — Зная, что смертельно болен, он четко распределил каждый оставшийся ему день и час, чтобы завершить те дела, которые считал самыми необходимыми. До последнего дня он приходил в редакцию “Литературного наследства” и работал. Последний труд Сергея Александровича — вступительная статья к двухтомному путеводителю “Литературное наследство” за 50 лет”, написать которую он считал своим долгом»². Смерть помешала С. Макашину закончить эту работу³.

Публикаторы сочли целесообразным дополнить эту публикацию текстом выступления С. Макашина на похоронах И. Зильберштейна — инициатора и бессменного редактора «ЛН», с которым Макашина связывали долгие и (последние три десятилетия) непростые отношения⁴.

Текст статьи Макашина печатается по машинописной копии, сверенной с автографом (хранятся в архиве Отдела «ЛН» ИМЛИ РАН); текст выступления — по автографу⁵.

¹ Основой для очерка послужило выступление С. Макашина на совместном заседании ОЛЯ и ИМЛИ РАН в связи с 50-летием «ЛН» в 1982 г., см.: «Литературное наследство»: страницы истории. Из архива С. А. Макашина (К 80-летию основания издания) / публ. и подгот. текста А. Галушкина; вступ. заметки А. Галушкина при участии М. Фролова; коммент. М. Фролова и А. Галушкина // Русская литература. 2011. № 2. С. 64–73. Для путеводителя Макашин переработал и дополнил этот текст (в частности, посвятив отдельную главку «кухне» «ЛН»: организации работы, его сотрудникам и пр.).

² Федор Иванович Тютчев. М., 1989. Кн. II. С. 708. (Лит. наследство; Т. 97). В настоящее время силами нынешних сотрудников «ЛН» подготовлена к печати 1-я (из пяти) книг справочного издания ««Литературное наследство» за 80 лет».

³ В его личном архиве сохранилось несколько набросков и заметок, не вошедших в текст предисловия. Приведем один из набросков, в котором С. Макашин не без сожаления перечисляет темы, оставшиеся — прежде всего по цензурным причинам — вне внимания «ЛН»:

«Недемократический» лагерь рус<ской> лит<ературы> и общ<ественной> мысли. Идеализм. Либерализм. Почвенничество. Славянофилы.

Кто у нас не представлен из крупных русских литераторов» [1 нрзб.].

XIX. Аксаковы, Вяземский, Жуковский, Карамзин, Леонтьев К. Н., Писемский (?!), Фет, Эртель (Лесков и Гончаров?!).

XX. А. Белый, Ахматова, Цветаева, Волошин, Гумилев, Есенин, Замiatин, Вяч. Иванов, Короленко, М. Кузьмин (так! — публ.), Ин. Анненский, Мережковский, Наживин (?), Ремизов, Розанов, Ф. Сологуб, Тэффи, Ходасевич, С. Черный.

Русск<ое> зарубежье.

У нас в истории лит<ературы> конца XIX — нач<ала> XX был в [1 нрзб.] Горький.

История советской лит<ературы>» (Научный архив Тверского государственного объединенного музея. Ф. Р-13, оп. 1, № 92).

⁴ «Мы никогда не были друзьями, — вспоминал С. Макашин. — Но долгое время все, разделявшее нас, не мешало, а, как это ни странно, скорее помогало нашему общему делу, служению интересам «Литературного наследства»» (Макашин С. Изучая Щедрина: (Из воспоминаний) // Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 131).

⁵ Научный архив Тверского государственного объединенного музея. Ф. Р-13, оп. 1, № 73. Здесь же — автограф другой редакции. На основе этого выступления написан некролог, см.: Макашин С. Илья Самойлович Зильберштейн // Литературная газета. 1988. 1 июня.

СЕРГЕЙ МАКАШИН

О «ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДСТВЕ»

Задача настоящей статьи предпослать Указателю содержания «Литературного наследства» за шестидесятилетие его существования (90 «номеров»)¹ общую характеристику этого монументального издания, коротко рассказать, как оно возникло и как строилась работа над ним.

В основу статьи положены документально удостоверенные свидетельства, дополненные воспоминаниями автора, бессменного, вместе с основателем издания покойным И. С. Зильберштейном², участника в трудах редакции на всем их протяжении (за вычетом лишь четырехлетия Великой войны).

В предлагаемый краткий обзор деятельности «Литературного Наследства» введены сведения о некоторых эпизодах в жизни издания, не получивших отражения на его страницах. Введены также справки о замыслах редакции, начатых разработкой, но, по обстоятельствам, оставшихся неосуществленными. Обо всем этом сообщается по необходимости сжато и фрагментарно. И не только по соображениям объема. Для воссоздания сколько-нибудь полной картины многолетней и широкоохватной работы «Литературного Наследства» время еще не пришло. И это главнейшее потому, что сохранившиеся, хотя и не полностью, материалы обширного архива издания остаются несобранными и неизученными*. Большая их часть находится в личном собрании И. С. Зильберштейна, другая — в ЦГАЛИ, третья — в рабочих папках редакции, отчасти и в домашнем пребывании у ее бывших и настоящих работников³.

ОСНОВАНИЕ ИЗДАНИЯ

Как упомянуто, своим возникновением «Литературное Наследство» обязано непосредственно И. С. Зильберштейну. Молодым человеком он приехал в 1923 году из Одессы в Ленинград и стал здесь студентом Университета. Вскоре он познакомился с известным историком и литературоведом П. Е. Щеголевым и активно вошел в круг его интересов, особенно как одного из редакторов журнала «Былое»⁴. Созданное еще до революции для публикации архивных материалов, преимущественно по истории освободительного движения в России, издание это дважды прекращалось цензурой: первый раз царской в 1907 году, второй раз советской в 1926 году (журнал был восстановлен в 1918 году). После второго прекращения издания П. Е. Щеголев задумал создать новое, более легкое в цензурном отношении документально-источниковедческое издание, посвященное публикации историко-литературных материалов. По свидетельству сына П. Е. Щеголева, также известного историка П. П. Щеголева, новое издание предполагалось назвать «Литературное былое»⁵. Однако идея эта не получила воплощения. Задача осуществления аналогичного или близкого замысла была решена И. С. Зильберштейном и поддержавшим его инициативу М. Е. Кольцовым — основателем и редактором послереволюционного «Огонька» и главою созданного им в Москве в 1920-х гг. издательского предприятия — Журнально-газетного объединения, сокращенно Жургаз⁶. С 1925 г. И. С. Зильберштейн был ленинградским сотрудником по делам редакции «Огонька». В конце 1930 года он принял предложение М. Е. Кольцова переехать в Москву для работы в Жургазе. Вскоре после переезда Илья Самойлович сообщил Кольцову об идее создания «Литературного наследства» и попросил о поддержке. Она была оказана. В марте 1931 г. было

* Немало бумаг архива погибло в 1941 году при тушении пожара от немецкой зажигательной бомбы, попавшей в здание бывшей Комакадемии на Волхонке 14, куда во время войны были перемещены материалы редакции «Литературного Наследства».

получено официальное разрешение издать в Жургазе три «пробных» сборника «Литературного Наследства» под маркой РАПП и Институт ЛИЯ Комакадемии⁷. Объем каждого был определен до двадцати листов, тираж — по усмотрению издательства. Была назначена редколлегия в составе главного редактора И. Ипполита (Ситковского) и двух членов — Л. Авербаха и Ф. Раскольников⁸. Заведующим редакцией был утвержден И. Зильберштейн. Жургаз предоставил в занимаемом им здании на Страстном бульваре 11 (бывшем особняке коньячного короля России Шустова) помещение для редакции, машинистку, финансы и полиграфическую базу для издания «пробных выпусков». В конце 1931 года выходом в свет первого номера «Литературного Наследства»⁹ начался долгий путь издания, ставшего ныне, через шестьдесят лет, старейшим среди сборников в непериодических сериях советского литературоведения.

«Кесарево кесарю, а божие богу»... Имена лиц, стоявших у колыбели «Литературного Наследства», названы. Теперь надо сказать о времени, создавшем издание. Определяя взаимосвязь между субъективным и объективным факторами в явлениях литературы и искусства, А. В. Луначарский однажды сказал по поводу творчества немецкого романтика Гельдерлина примерно так: «Каждая эпоха нажимает на нужные ей клавиши»¹⁰. Так было и с «Литературным Наследством», возникшим через десятилетие с небольшим после Великой революции, сломавшей вековой порядок вещей в огромной стране. Появление тогда «Литературного Наследства» объективно отвечало трем главным обстоятельствам или требованиям времени, его исторической минуты.

Первое обстоятельство заключалось в потребности как новых сил только еще складывавшегося советского общества, так и действовавших сил старой русской интеллигенции, так сказать, оглядеться и определиться во времени, в эпохе и попытаться при помощи уроков истории осмыслить только что пережитое, «невиданные перемены, неслыханные мятежи» (А. Блок)¹¹. Середина 1920-х — начало 1930-х годов — это время возникновения сильного общественного интереса к свидетельствам недавнего и далекого прошлого русской жизни. Это время основания В. Д. Бонч-Бруевичем Литературного музея и развернувшейся там замечательной по своим масштабам и увлеченности работы по собиранию и публикации историко-литературных материалов¹². Это время деятельности издательства «Academia», «Братьев Сабашниковых», «Федерации» с их публикациями мемуарно-дневниковых и эпистолярных памятников, время появления «Красного архива», «Звеньев», выхода в свет многих сборников архивно-документальных материалов, упомянутой разработки П. Е. Щеголевым плана издания «Литературного былого» и др. В этом контексте времени возникновение «Литературного Наследства» не было ни изолированным, ни спонтанным¹³.

Второе обстоятельство, питавшее и подкреплявшее первое — огромность открытых Революцией документальных материалов, хранившихся в ранее недоступных исследователям правительственных и дворцовых архивах самодержавия, а также собраниях дворянских усадеб и особняков образованной верхушки российской буржуазии. Эти архивные богатства требовали изучения и публикаций, притягивали к себе, как магнит, внимание исследователей¹⁴.

Третье обстоятельство — появление в конце 1920-х годов в литературной политике партии лозунга «учебы у классиков», призванной устранить или, по

меньшей мере, ограничить господствовавшее до того в РАПП'е и в Пролеткульте нигилистическое отношение к культурному наследию прошлого. «Литературное Наследство» призвано было стать одним из проводников этого нового курса¹⁵.

СОДЕРЖАНИЕ, НАПРАВЛЕНИЕ, ИТОГИ

Раз возникнув и начав свою беспримерную работу, «Литературное Наследство» не сразу нашло свой тип и свою структуру. Но важно указать, что с самого начала были заложены и в дальнейшем лишь совершенствовались главенствующие принципы издания — план, систематичность и широкоохватность в поисках документально-архивных источников, еще не бывших в печати. Тематика и репертуар публикаций «Литературного Наследства» с первых его шагов лишь в малой мере зависели и зависят от «самотека», предложений со стороны¹⁶. В этом состоит одно из главных принципиальных отличий издания от его аналогов, как дореволюционных — «Русского архива», «Русской старины», «Щукинских сборников» и др., так и советских — «Звеньев», «Прометеев», «Нашего наследия», «ЦГАЛИ» и др.¹⁷

В первое время своего существования «Литературное Наследство» выпускало преимущественно «сборные тома». Они состояли из нескольких публикаций на разные темы, но с тенденцией к объединению мелких, но однородных публикаций в одну укрупненную (например, письма одного писателя, найденные разными исследователями в разных архивах, сводились в одну публикацию). Значительное место в дебютных томах отведено материалам по вопросам теории литературы, принадлежащих перу Маркса и Энгельса, Лафарга и Плеханова¹⁸.

Линия на укрупнение и быстро увеличивающаяся масштабность публикаций вскоре привела «Литературное Наследство» к созданию «монографических томов». Они возникли в двух типах — «проблемном», относящемся к крупным вопросам и явлениям, и «персональном», посвященном отдельному писателю.

В серии первого типа — «проблемного» — вышли тома, относящиеся к разработке тем: «Русская культура и Франция», «Русская литература XVIII века», «Русский символизм», «Декабристы-литераторы», «Писатели революционной демократии», «Народные песни, собранные писателями (Из архива П. Киреевского)», «Из истории Международного объединения революционных писателей», «Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны», «Ленин и Луначарский», «Русско-английские литературные связи»¹⁹.

Во второй серии — «персональной» — изданы тома, посвященные (в алфавите): Белинскому (3)*, Блоку (5), Брюсову (2), Герцену и Огареву (9), Гёте (1), Гоголю (1/2)**, Гончарову (1), Горькому (4), Грибоедову (1), Добролюбову (1/2)***, Достоевскому (3), Лермонтову (2), Лескову (1), Луначарскому (2)****, Маяковскому (1), Некрасову (3), Островскому (2), Салтыкову-Щеде-

* Цифры указывают количество книг.

** В составе тома 58: «Пушкин. Лермонтов. Гоголь».

*** В составе тома 25–26: «Добролюбов, Чернышевский и “Современник”».

**** Одна из этих книг: «Ленин и Луначарский».

рину (2), Вас. Слепцову (1), Л. Толстому (11), Тургеневу (3), Тютчеву (2), Чернышевскому (1/2), Чехову (1)²⁰.

Обширный репертуар, богатство появившихся в «Литературном Наследстве» неизвестных ранее архивных материалов и высокий класс подготовки их к печати обеспечили изданию высокий авторитет в науке и особое место в советских изданиях русской классики. На протяжении шестидесяти с лишним лет своего существования «Литературное Наследство» являлось и является основным, постоянно действующим каналом, по которому в историю русской литературы и общественной мысли, на их эдиционно-текстологическом участке, вливаются вновь открываемые в отечественных и зарубежных архивах документальные материалы. За годы деятельности «Литературного Наследства» нет ни одного научного Собрания сочинений русской классики, которое в большей или меньшей мере не было бы обязано своими «новинками» нашему изданию.

Одна из посвященных «Литературному Наследству» статей в научной печати озаглавлена словами: «Каждый том — открытие!»²¹ Несмотря на патетичность такой оценки, в ней нет преувеличения. Справедливость ее удостоверяется действительно каждым томом, поскольку в любом из них появлялись разного рода материалы, всегда открывавшие что-то новое в духовной жизни и культурном наследии прошлого.

Конечно, открытие открытию рознь. Но среди множества «открытий» локального, частного значения на страницах «Литературного Наследства» появилось немало открытий выдающихся, внесших серьезный вклад в науку. Таковы, например, впервые обнародованные публикации пяти «Философических писем» Чаадаева, дневника В. Одоевского, путевых писем Гончарова из кругосветного плавания, автобиографии Константина Леонтьева, донесения российского посла в Париже Симолина Екатерине II о событиях Великой Французской революции, портретной галереи декабристов, созданной Н. Бестужевым, русских народных песен, собранных Пушкиным, Гоголем, Кольцовым и другими писателями, публицистического трактата Тютчева «Россия и Запад», запрещенной цензурой статьи Чернышевского «В оправдание памяти частного человека», программного, философско-исторического выступления Салтыкова-Щедрина «Современные призраки», записных книжек и тетрадей Достоевского, дневника А. Г. Достоевской, расшифрованного по ее стенографии, обширнейших «Яснополянских записок» Д. Маковицкого, первой законченной редакции «Войны и мира», «Народа на войне» С. Федорченко и др.²²

Не менее капитальное значение представляют многочисленные эпистолярные публикации. Они представлены перепиской Белинского, Гончарова, Некрасова, Островского, Пушкина, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Тургенева и др., а также письмами о них. Наиболее крупным эпистолярным сериям посвящены отдельные тома — «Переписка Блока», «Письма Блока к жене», «Брюсов и его корреспонденты», «Горький и Леонид Андреев. Переписка», «Горький и русская журналистика начала XX века», «Горький и советские писатели. Неизданная переписка»²³.

Эпистолярное, а также мемуарно-дневниковое наследие получило разработку еще в одном виде документальных публикаций, созданных «Литературным Наследством». Это публикация разного рода свидетельств о писателе имярек, извлеченных из неизданной переписки современников, а также из их

воспоминаний и дневников. Создание таких «подборок», высоко ценимых исследователями, дело весьма непростое и очень трудоемкое. Необходимой предпосылкой для таких работ является отличное знание их авторами архивных источников в широком их масштабе и умение извлекать из них иногда по крупицам находящиеся там ценности. Наиболее крупные работы этого «жанра» — индивидуальные и коллективные, посвящены Пушкину, Гоголю, Белинскому, Тютчеву, Достоевскому, Островскому²⁴.

Самая масштабная работа «Литературного Наследства» в разыскании, собирании, изучении и публикации документальных материалов относится к изучению жизни и деятельности издателя «Колокола». Герцено-огаревская серия заняла в издании девять томов с общим количеством 7000 страниц²⁵. Появившиеся здесь впервые несколько тысяч разного рода рукописных материалов образовали фундаментальный вклад не только собственно в герценоведение и огароведение, но также в историю духовной культуры, общественной мысли, литературы и революционного движения России и Запада.

Источниковедческими фондами двух первых томов герцено-огаревской серии, вышедших накануне Отечественной войны, послужили материалы отечественных архивов²⁶. Для семи послевоенных томов такими фондами стали, в подавляющем большинстве материалы архивных собраний — «коллекций» — зарубежного происхождения и хранения. Из них бумаги бывших «пражской» и «софийской» коллекций изменили после и в результате Великой войны свои адреса и ныне находятся в СССР²⁷. Остальные «коллекции», а именно «амстердамская», «женевская», «нью-йоркская» (она же «колумбийская») и две «парижские», продолжают сохранять названные места своего нахождения. Однако в результате обменных операций между иностранными и советскими архивами, осуществленных по инициативе «Литературного Наследства», микрофильмы и ксерокопии и тех бумаг «заграничного архива» Герцена и Огарева, которые остались за рубежом, поступили в распоряжение нашей редакции. Затем они были переданы на постоянное хранение в Рукописные отделы Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и Государственной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, а также в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР²⁸.

Таким образом, все материалы некогда единого, а затем распавшегося на ряд частей огромного «заграничного архива» Герцена и Огарева оказались на их родине, хотя в значительной своей части в ксерокопиях и микрофильмах. Тем самым завершено дело большого национально-культурного масштаба и значения.

Обогащение фонда русской литературы и общественной мысли достигается в «Литературном Наследстве» не только публикациями не известных ранее произведений, писем и других материалов. Не менее важное значение представляют также публикации вновь найденных рукописей, позволяющих установить аутентические тексты некоторых произведений классики, известных ранее в несовершенной текстологии. Таковы публикации автографических рукописей знаменитого рассказа Герцена о своей семейной драме из пятой части «Былого и Дум» («амстердамской коллекции») и его же статьи «Между старичками» — первоначальной и принципиально очень важной редакции писем «К старому товарищу»²⁹.

В иных случаях специально разработанные приемы эвристики хотя и не вели к установлению аутентического текста произведения, поскольку первоисточник его был утрачен, но вносили в реконструкцию текста ряд важных дополнений и уточнений. Такова публикация зальцбрунского письма Белинского к Гоголю 1847 года. Авторская рукопись этого выдающегося памятника русской мысли не сохранилась. Письмо распространялось в списках. Начиная с первой зарубежной публикации «письма» 1855 года, осуществленной Герценом, все последующие его публикации печатались с большими расхождениями текста. «Литературное Наследство» привело в известность все сохранившиеся в архивах страны «списки» — всего двадцать — и приемами сопоставительного анализа попыталось установить наиболее достоверную редакцию знаменитого памятника³⁰.

Значение «Литературного Наследства» как канала или резервуара накопления открываемых в архивах историко-литературных материалов не ограничивается количеством их и богатством их содержания. Ценнейшую сторону документальных публикаций издания составляют тщательность подготовки материалов к печати. Каждый архивный документ получает при его воспроизведении свою текстологию, атрибуцию (для анонимных и псевдонимных текстов) и комментариев. В итоге исследователь и редактор научных собраний сочинений классики получает в свое распоряжение нечто вроде готового эдично-текстологического «изделия».

Публикации наиболее важных документов сопровождаются, как правило, исследовательскими статьями. Иногда же воспроизводимые документальные тексты вводятся в исследование, инкорпорируются. Некоторые из статей имеют всю цену монографических разработок. Таковы, например, работы: «Русские писатели у Гёте в Веймаре» (С. Дурылина), «Салтыков-Щедрин — литературный критик» (А. Лаврецкого), «Бальзак в России» (Л. Гроссмана), «Философия и эстетика русского символизма» (В. Асмуса), «Литературные взаимоотношения России и Франции» (С. Макашина), «Герцен и Огарев и “молодая эмиграция”» (Б. Козьмина), «Некрасов в истории русской поэзии» (Вас. Гиппиуса), «Творческие дневники Достоевского» (Л. Розенблюм)³¹ и др. В ряде томов исследовательские статьи образуют специальные разделы, занимающие значительную часть тома. Такие разделы имеются в томах, посвященных Пушкину, Лермонтову, Белинскому и др. Два наиболее крупных монографических исследования заняли по целому тому каждый. Эти тома, посвященные работам «История создания Николаем Бестужевым портретной галереи декабристов» (И. Зильберштейна), «Русско-английские связи» (М. Алексеева)³².

Значительное место занимает в издании справочно-исследовательский аппарат, особенно разного вида «обзоры». Один из этих видов — «Судьба литературного наследия...» писателя имярек содержит историко-аналитическую характеристику всего сохранившегося изданного и неизданного документального фонда данного писателя — его произведений, писем, биографических материалов и др. Другая посвящена восприятию творчества русских писателей за рубежом. Третьи — археографические (рукописи в таком-то архиве или архивах) и библиографические.

Наряду с текстовыми публикациями в томах «Литературного Наследства» широко представлены изобразительные материалы. Среди них — живописные

и графические опыты самих писателей, иллюстрации художников к литературным произведениям, портреты, факсимиле рукописей, картины и зарисовки памятных мест, зданий и др. В своей совокупности помещенные в издании иллюстрации, многие из которых не были прежде в репродукции, могли бы составить уникальный по огромности, богатству и разнообразию альбом изобразительного наследия России и Западной Европы.

Когда в конце 1920-х годов вышел в свет первый том Большой Советской Энциклопедии, «Правда» отозвалась на это событие фельетоном Мих. Кольцова с заглавием «Важный кирпич»³³. Отправляясь от этой метафоры можно сказать, что библиотека томов, созданных «Литературным Наследством», это уже не отдельные «кирпичи», а целые «блоки» и даже «этажи» в строительстве отечественного литературоведения, а также исторической науки.

Открыв своими публикациями множество неизвестных ранее страниц в истории русской, отчасти же западноевропейской, литературы и общественной мысли XVIII–XIX веков, «Литературное Наследство» все больше сосредотачивается в последние годы на материалах начала XX века и на истории советской литературы, подготавливая здесь целую серию томов.

Для всех работ, за которые бралось и берется «Литературное Наследство», его главная задача остается постоянной и неизменной — искать, находить, изучать и публиковать неизвестные ранее материалы русской и мировой литературы, публиковать, т. е. вводить их в науку и приобщать к ним читателей.

Деятельность «Литературного Наследства» на всем ее протяжении неизменно получала высокое признание со стороны литературной и научной общественности и критики в Советской стране и за рубежом. Это удостоверяет впервые собранная (до 1990 года³⁴) и помещаемая в настоящем Указателе библиография более 450 отзывов печати на издание и его отдельные тома.

УСТРОЙСТВО РЕДАКЦИИ. УЧАСТНИКИ ТРУДОВ ИЗДАНИЯ

Выше уже сказано, что «Литературное Наследство» было основано как журнал РАПП'а и Института литературы и языка Комакадемии. Их «марка» значится на первых двух номерах. Однако органом этих учреждений новое издание не стало, если не считать, что первые его редакторы И. Ипполит (И. К. Ситковский) и Л. Л. Авербах принадлежали один к Институту ЛИЯ Комакадемии, другой — к руководству РАПП. Начиная с № 3 (1932 г.) названная «марка» исчезает с титульного листа «Литературного Наследства» и до № 31–32 (1937 г.) оно выходит просто как одно из многих изданий Жургаза. Затем, завоевав научный авторитет, передается в систему Академии Наук СССР: с № 33–34 оно — орган Института литературы (Пушкинского Дома), с № 56 (1950 г.) — Отделения литературы и языка, с № 69 (1961 г.) и по сей день — Института мировой литературы им. М. Горького³⁵.

После ликвидации РАПП'а главным редактором «Литературного Наследства» становится П. И. Лебедев-Полянский (№ 16/18, 1934 г.), а затем, последовательно, А. М. Еголин, В. В. Виноградов, И. И. Анисимов и В. Р. Щербина³⁶. В редколлегию издания в разное время входили Ф. Ф. Раскольников, П. П. Парадизов, Л. И. Тимофеев, Ю. Г. Оксман, Д. Д. Благой, М. Б. Храпченко и др.³⁷ В настоящее время (1989 г.) в редколлегию входят: Н. В. Котрелев,

Ф. Ф. Кузнецов (гл. ред.), С. А. Макашин, К. Д. Муратова, П. В. Палиевский (зам. гл. ред.), Л. М. Розенблюм и Н. А. Трифонов³⁸.

Но непосредственными строителями «Литературного Наследства» всегда были научные силы постоянно действующей редакции. Источниковедческая специфика издания и масштабность задач, присущих большей части его томов, особенно «монографических», предъявляли к делу их создания требования намного более сложные, нежели те, которые необходимы и достаточны для редакций других литературоведческих сборников и журналов. Главное отличие здесь — в необходимости поисков, собирания и предварительного изучения неизданных историко-литературных материалов для обеспечения документального фонда очередного тома. Во многих случаях такие поиски не ограничивались отечественными архивами и велись также и в зарубежных.

Первоначально редакция «Литературного Наследства» состояла всего из двух лиц — И. С. Зильберштейна и С. А. Макашина. И тому, и другому суждено было стать старейшими, бессменными редакторами издания. В 1932 году, с № 4/6 — «гётевского тома» — в редакцию вошел и надолго остался в ней И. В. Сергиевский. В 1937 году при подготовке №№ 29–34 — трехтомника «Русская культура и Франция» — в редакции появилась Н. Д. Эфрос и также осталась в ней на многие годы. В 1939 году эпизодическое участие в трудах редакции, а именно в редактировании №№ 35/38 — двухтомник «Л. Толстой» — принял В. В. Жданов. Такова была первоначальная, довоенная редакция «Литературного Наследства». Ее трудами за десятилетие 1931–1941 гг. было подготовлено 23 книги или № 1–44 (ряд книг выходили с двойными номерами)³⁹. <...>⁴⁰

В кино и телевидении актеры иногда участвуют «за кадром»: их слышно, но не видно. В «Литературном Наследстве» к участию в трудах по научной организации и редактированию отдельных томов нередко приглашались авторитетные специалисты по тематике и проблематике этих томов, штатно не входившие в редакцию. Для довоенных томов «Литературного Наследства» такими внештатными консультантами редакции были: Ф. П. Шиллер — для публикации высказываний Маркса и Энгельса по эстетике; А. Г. Габричевский — для «гётевского тома»; Г. А. Гуковский — для тома о русской литературе XVIII века⁴¹; Вас. В. Гиппиус, Р. В. Иванов-Разумник, Н. В. Яковлев — для двухтомника «Салтыков-Щедрин»; А. А. Сиверс, Д. П. Мирский и А. Мазон — для трехтомника «Русская культура и Франция»⁴²; Б. М. Эйхенбаум и Н. П. Пахомов — для двухтомника «Лермонтов»; Б. П. Козьмин — для двухтомника «Герцен и Огарев»⁴³. К сказанному необходимо добавить, что в первые годы «Литературного Наследства» внештатным работником по делам редакции в Ленинграде был до своего переезда в Москву в 1935 г. И. Л. Андроников, а затем его сменил В. К. Лавровский⁴⁴.

Война прекратила на четыре с половиной года работу и само существование редакции. И. С. Зильберштейн и Н. Д. Эфрос оказались в эвакуации, И. В. Сергиевский и автор этих строк — в армии. Но когда в конце 1945 года я возвратился после демобилизации из Чехословакии в Москву, то сразу же смог включиться в прерванную работу. Она уже была возобновлена И. С. Зильберштейном. Возвратившись из эвакуации, он подготовил при участии В. Н. Орлова и Н. К. Пиксанова — небольшой, но все же сдвоенный № 47/48 — «Гри-

боедов» (вышел из печати в 1946 г.). И вновь, как в первые два года «Литературного Наследства», в редакции ее оказались лишь два человека — И. С. Зильберштейн и С. А. Макашин и прежняя же секретарь-машинистка М. Р. Рабинович⁴⁵. Только адрес свой редакция сменила после войны со Страстного бульвара 11 на Волхонку 18, это дом, где прошли первые детские годы Герцена, а теперь помещается Отделение литературы и языка Академии наук СССР.

Но наш с И. С. Зильберштейном редакционный дуэт и на этот раз сохранялся недолго. Вскоре, с начавшимся широким разворотом работы «Литературного Наследства» стала расширяться и его редакция. В середине 1940-х годов в нее последовательно вошли *Л. Р. Ланский*, Н. Д. Эфрос, К. П. Богаевская, Н. А. Роскина, затем в 1950-е годы — А. Н. Дубовиков, *Л. М. Розенблум*, Н. А. Трифонов, Т. Г. Динесман, в 1970–1980-е годы — Ю. П. Благоволина, Е. Г. Коляда, Н. В. Котрелев, а также лаборанты...⁴⁶

Из них те, чьи имена набраны курсивом, продолжают по сей день (как и С. А. Макашин) свою многолетнюю работу в редакции.

В послевоенные годы в редакции сложился своего рода «бригадный» метод работы. Заключается он в том, что подготовка каждого очередного тома ведется не всем коллективом редакции, а двумя или тремя ее сотрудниками, во главе с ответственным за данный том членом редакционной коллегии. Значительная длительность подготовки томов, а значит и длительность существования создающих их бригад, позволяет входящим в них редакторам глубоко входить в проблематику и конкретику материалов, подготавливаемых к печати. В послевоенный период еще в большей мере, чем в довоенный, получила развитие практика привлечения к созданию томов внештатных консультантов, авторитетных специалистов в той области литературоведения или исторических знаний, которой посвящен соответствующий том (имена их см. в прилагавом к настоящей статье «Перечне...»)⁴⁷. Для некоторых томов практика эта расширялась до кооперирования работы редакции с научно-исследовательским и архивным учреждением — местом хранения публикуемых рукописей. Такие научно-организационные кооперации были осуществлены, в частности, с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (т<ом> «Ленин и Луначарский»), Музеем Л. Н. Толстого (т<ом> «Яснополяские записки Д. П. Маковицкого»), Центральным театральным музеем им. А. А. Бахрушина (т<ом> «А. Н. Островский»), Музеем-усадьбой «Мураново» («Ф. И. Тютчев»), Архивом А. М. Горького («Горький и русская журналистика начала XX века»), ЦГАЛИ («Александр Блок»⁴⁸), Пушкинским Домом («И. А. Гончаров»), Библиотекой СССР им. В. И. Ленина («В. Я. Брюсов») и др.

Начав работу над очередным томом, редакция наряду с поиском архивных материалов, достаточных и необходимых для создания его документальной базы, сразу же проявляла заботу по созданию его будущего авторского коллектива. С удовлетворением можно сказать, что с первых своих шагов и на всем дальнейшем своем пути редакция «Литературного Наследства» пользовалась большим авторитетом и сочувственным вниманием со стороны исследователей. На просьбы редакции принять участие в написании статьи, подготовке публикации и др., как правило, охотно откликались все, к кому такая просьба обращалась. В настоящем Указателе приведен полный перечень авторов «Литературного Наследства» за все время существования издания. В этом

обширном перечне (около...⁴⁹ имен) присутствуют многие крупнейшие авторитеты нашей литературоведческой и исторической науки. Здесь среди них: М. П. Алексеев, В. Ф. Асмус, П. Н. Берков, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Н. Л. Бродский, Вас. В. Гиппиус, Л. П. Гроссман, Н. К. Гудзий, Г. А. Гуковский, Н. Н. Гусев, В. А. Десницкий, А. С. Долинин, С. Н. Дурылин, В. Е. Евгеньев-Максимов, В. М. Жирмунский, Э. Е. Зайденшнур, Б. П. Козьмин, Н. И. Мордовченко, В. Н. Орлов, Е. В. Тарле, Л. И. Тимофеев, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, М. А. Цявловский, К. И. Чуковский, П. Е. Щеголев, Б. М. Эйхенбаум и др.⁵⁰ Наряду с отечественными исследователями, в ряде томов издания принимали участие и зарубежные, среди них такие видные русисты, как американец В. Эджертон, французы А. Гранжар и А. Мазон, немец Ф. Воль и др.⁵¹ Среди авторов статей находятся участники революционного движения в России, крупные общественно-политические деятели — Л. И. Аксельрод, Л. Г. Дейч, Г. Е. Зиновьев, А. В. Луначарский, В. И. Невский, В. Н. Фигнер и др., а также писатели и люди искусства — М. Ауэзов, Л. Леонов, В. И. Немирович-Данченко, М. Рыльский, К. Симонов, К. Федин и др.⁵²

В деятельности «Литературного Наследства» как издания источниковедческого, большое место занимает сотрудничество с архивными и музейными учреждениями и с их научными работниками, многие из которых привлекаются к авторскому участию. В «литнаследовские» публикации перешли материалы из многих архивов, музеев и частных собраний, отечественных и зарубежных. Не перечисляя их все, назову несколько главнейших источников, питавших и продолжающих питать наши первопечатные публикации архивных материалов. Это, прежде всего, рукописные отделы двух крупнейших библиотек страны — Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Публичной им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, а также Отделы в двух литературоведческих институтах Академии наук СССР — Русской литературы (Пушкинский дом) и Мировой литературы им. А. М. Горького. Затем это Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Архив А. М. Горького и Архив Л. Н. Толстого, Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Из иностранных учреждений наибольшее количество архивных материалов, появившихся на страницах «Литературного Наследства», было получено из Национальной библиотеки в Париже, Международного института социальной истории в Амстердаме, Британского музея в Лондоне и Колумбийского университета в Нью-Йорке.

¹ К моменту написания публикуемого очерка из печати уже вышла 1-я книга 97-го тома «ЛН», посвященного Ф. Тютчеву.

² Искусствовед, литературовед и коллекционер Илья Самойлович Зильберштейн скончался 22 мая 1988 г. в Москве на 84-м году жизни.

³ Ранние материалы деятельности «ЛН» составили фонд 603 в РГАЛИ (256 ед. хр.); материалы преимущественно послевоенной поры — фонд 575 (не разобран) в Архиве русских и зарубежных писателей ИМЛИ РАН; большая часть материала хранится в архиве Отдела «ЛН» ИМЛИ РАН. Значительное собрание документов по истории «ЛН» отложилось и в личном архиве И. Зильберштейна (РГАЛИ. Ф. 3290, не разобран). Подробнее см.: *Галушкин А.* Из истории редакционного архива «Литературного наследства» // *Отечественные архивы.* 2010. № 2. С. 41–47.

⁴ В 1923–1926 гг. И. Зильберштейн учился на историко-филологическом факультете университета, где его преподавателями были, в частности, Борис Львович Модзалевский (1874–1928), пушкинист, архивист, и Павел Елисеевич Щеголев (1877–1931), историк, издатель в 1906–1926 гг. исторического журнала «Былое».

⁵ Щеголев Павел Павлович (1903–1936). О замысле «Литературного былого» ср. в письме Д. Лутохина М. Горькому от 21 февраля 1929 г.: «П. Е. Щеголев одно время собирался издавать “Литературное былое”, но потом мысль эта заглохла» (Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН. КГ-П-46а-1-11, л. 6. Сообщено Н. Котрелевым).

⁶ Кольцов (наст. фам.: Фридлянд) Михаил Ефимович (1898–1940, репрессирован), журналист, писатель-публицист. Впоследствии в Жургазе вышли 16 томов «ЛН», и только завершающая, 3-я книга тома по русской культуре и Франции (т. 33–34) была издана под грифом Пушкинского Дома в издательстве АН СССР.

⁷ В истории создания «ЛН» С. Макашин опирается на информацию И. Зильберштейна, который, в частности, в своей последней автобиографии 1988 г. писал: «В 1930 году директор Журнально-газетного объединения М. Е. Кольцов предложил мне переехать в Москву и заняться подготовкой первого приложения к журналу “Огонек” — собрания сочинений А. П. Чехова. Но самая заветная мечта тех молодых лет моей жизни — приступить к изданию сборников публикаций неизданных материалов по истории русской литературы и общественной мысли. Название этим сборникам я дал: “Литературное наследство”. Вскоре удалось получить разрешение на такое издание. И 1 марта 1931 года я приступил к подготовке первых трех книг» (цит. по: И. С. Зильберштейн: Штрихи к портрету: К 100-летию со дня рождения. М., 2006. С. 17). Однако, судя по известным на сегодня фактам, официальное разрешение относится к июлю, а учреждение «ЛН» в качестве самостоятельной редакции Жургаза — к августу 1931 г., см.: Русская литература. 2011. № 2. С. 63. Ср.: Немзер А. Фантастическая история продолжается // Московские новости. 2011. 5 авг.

⁸ Ситковский Ипполит Константинович (наст. фам. Иоэльсон Исаак Израилевич; псевд. И. Ипполит, 1903–1938, репрессирован), критик, в 1931–1932 гг. — ответственный редактор «ЛН»; Авербах Леонид Леопольдович (1903–1937, репрессирован), литературный критик, один из основателей РАПП, в 1932–1934 гг. — ответственный редактор «ЛН» (сменил на этом посту И. Ипполита); Раскольников Федор Федорович (наст. фам.: Ильин, 1892–1939), общественный и политический деятель, дипломат, писатель, член редакционной коллегии «ЛН» в 1931–1932 гг. О том, как складывалась судьба «ЛН» в эти годы С. Макашин вспоминал: «“Литературное наследство” было учреждено как орган РАПП и Института ЛИЯ Комакадемии. Соответственно, редколлегия первых номеров была рапповской: Л. Авербах, И. Ипполит (Ситковский) и Ф. Раскольников. Последний, правда, принадлежал РАПП лишь формально. Зато И. Ипполит (Ситковский) был рапповцем, что называется, чистой воды и вместе с тем деятелем, “стоявшим на страже”. Он был главным редактором в первых номерах “Литературного наследства” и автором программного предисловия “От редакции”. Это темное пятно, оставленное временем на 1-м номере “Литературного наследства”. Читать сейчас это предисловие тяжело и стыдно, настолько оно пропитано рапповским невежеством, догматизмом и грубостью» (Макашин С. Изучая Щедрина (Из воспоминаний) // Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 131–132).

⁹ Выход № 1 «ЛН» по цензурным причинам был задержан и состоялся в марте 1932 г., см.: Большая цензура: Писатели и журналисты в стране Советов. 1917–1956: Документы. М., 2005. С. 226–229; Русская литература. 2011. № 2. С. 64.

¹⁰ Неточная цитата из работы А. Луначарского «Социологические и патологические факторы в истории искусства» (1930): «...всякая общественность может найти в человеческой клавиатуре такие клавиши, которые соответствуют ей...» (Луначарский А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1967. Т. 8. С. 115).

¹¹ Неточная цитата из поэмы А. Блока «Возмездие»: «И черная, земная кровь / Сулит нам, раздувая вены, / Все разрушая рубежи, / Неслыханные перемены, / Невиданные мятежи».

¹² Государственный Литературный музей был образован в 1934 г. Согласно постановлению 1931 г. о создании Комиссии по подготовке и организации Центрального литературного музея его руководителем был назначен Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955), партийный и государственный деятель, историк, писатель, этнограф. О сотрудничестве Государственного Литературного музея и «ЛН» см., в частности, переписку В. Бонч-Бруевича и И. Зильберштейна: *Шумихин С. В.* Д. Бонч-Бруевич и И. С. Зильберштейн у истоков советского музейно-архивно-публикаторского дела // Зильберштейн И. С.: Штрихи к портрету. С. 72–119.

¹³ Упомянуты: издательство «Academia» (1922–1937); «Издательство братьев Сабашниковых» было основано в 1891 г. в Москве Михаилом Васильевичем (1871–1943) и Сергеем Васильевичем (1873–1909) Сабашниковыми и просуществовало до 1934 г.; «Федерация» — издательство, основанное Федерацией объединений советских писателей (ФОСП) и осуществлявшее свою работу в 1926–1932 гг.; «Красный архив» — исторический журнал, издававшийся в Москве в 1922–1941 гг.; «Звенья» — серия сборников «материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в.» выходила под редакцией В. Бонч-Бруевича и А. Луначарского в 1932–1951 гг.

¹⁴ 1 июня 1918 г. был принят декрет СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике», в котором получил свою юридическую силу начавшийся еще годом ранее процесс национализации архивных документов.

¹⁵ Слова С. Макашина нуждаются в уточнении: лозунг «учебы у классиков» был выдвинут в 1927 г. критиками журнала «На литературном посту», позднее объединившимися в РАПП. «Учеба у классиков» в понимании РАПП — это прежде всего усвоение приемов и методов писателей XIX века в сочетании с коммунистической идеологией. Ко времени выхода № 1 «ЛН» в 1932 г. дискуссия об «учебе у классиков» сходилась на нет, а «нигилистическое» отношение Пролеткульта к классическому наследию было многими годами ранее осуждено советской печатью. Вскоре постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» РАПП, Пролеткульт и другие организации были расформированы.

¹⁶ В одном из набросков статьи С. Макашин развивал эту мысль так: «ЛН» «не зависело ни от директивных указаний в определении тематики и содержания планируемых выпусков издания, ни от самотека авторских предложений архивных документальных публикаций и сопровождающих их исследовательских статей и комментариев. Как правило, все эти заботы осуществлялись и продолжали осуществляться в основном силами самой редакции. <...> инициатива и организация поисков неизданных рукописей, а также иллюстративных материалов, всегда принадлежала редакции».

¹⁷ «Русский архив» — исторический журнал, издававшийся в 1863–1917 гг.; «Русская старина» — журнал, выходивший в 1870–1918 гг. и посвященный русской истории новейшего времени; «Щукинские сборники» — сборники историко-архивных публикаций, издававшиеся в 1902–1912 гг. на основании коллекции П. Щукина; о «Звеньях» см. прим. 13; «Прометей» — историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей», выпускался в 1966–1990 гг.; «Наше наследие» — иллюстрированный культурно-исторический журнал, издается с 1988 г.; упоминая «ЦГАЛИ», автор имеет в виду сборники архивных публикаций «Встречи с прошлым», выпускавшиеся Российским государственным архивом литературы и искусства в 1970–2004 гг.

¹⁸ Перечислим некоторые из этих публикаций, появившихся в первых трех томах «ЛН»: «Фридрих Энгельс о литературе», «Неизданные и забытые литературоведческие работы Г. В. Плеханова», «Маркс и Энгельс о трагедии Лассалы “Франц фон Зикинген”», «Забытая статья Поля Лафарга о романе Золя “Деньги”». Авторами этих публикаций выступили Ф. Шиллер, И. Ипполит (в соавторстве с сотрудниками Дома Плеханова), Г. Лукач (в соавторстве с редакцией «ЛН») и В. Гоффеншефер. Кроме того, в 1933 г. в качестве приложе-

ния в «Библиотеке “Литературного наследства”» вышли из печати две книги — «Маркс и Энгельс о литературе» и «Г. В. Плеханов — литературный критик».

¹⁹ Имеются в виду тома «ЛН», посвященные связям русской культуры и Франции (в 3 книгах: т. 29–34; 1937–1939), XVIII веку (т. 9–10; 1933), русскому символизму (т. 27–28; 1937), тома «Декабристы-литераторы» (т. 59, 60 (в двух книгах); 1954–1956), «Революционные демократы» (т. 67; 1959), «Песни, собранные писателями» (т. 79; 1968), «Из истории Международного объединения революционных писателей» (т. 81; 1969), «Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны» (т. 78, в двух книгах; 1966), «В. И. Ленин и А. В. Луначарский» (т. 80; 1971), «Русско-английские литературные связи: XVIII век — первая половина XIX в.» (т. 91; 1982).

²⁰ Приводим перечень «персональных» томов, раскрывая их полные названия и указывая годы выпуска: «В. Г. Белинский» (т. 55–57; 1948–1951), «Александр Блок. Письма к жене» (т. 89; 1978) и «Александр Блок: новые материалы и исследования» (т. 92, в пяти книгах; 1980–1993), «Валерий Брюсов» (т. 85; 1976) и готовившийся еще при жизни С. Макашина том «Валерий Брюсов и его корреспонденты» (т. 98, в двух книгах; 1991–1994), «герценовско-огаревские» тома — «А. И. Герцен» (в двух книгах: т. 39–42; 1941), «Герцен и Огарев» (в трех книгах: тт. 61–63; 1953–1956), «Герцен в заграничных коллекциях» (т. 64; 1958), «Герцен и Запад» (т. 96; 1985), «Герцен и Огарев в кругу родных и друзей» (т. 99, в двух книгах; 1997), «Гете» (т. 4–6; 1932), раздел, посвященный Гоголю в томе «Пушкин. Лермонтов. Гоголь» (т. 58; 1952), «И. А. Гончаров: Новые материалы и исследования» (т. 102; 2000), «Горький и советские писатели: Неизданная переписка» (т. 70; 1963), «Максим Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка» (т. 72; 1965), горьковский раздел в томе «Из творческого наследия советских писателей» (т. 74; 1965), «Горький и русская журналистика начала XX века» (т. 95; 1988), «А. С. Грибоедов» (т. 47–48; 1946), разделы, посвященные Добролюбову в томе 25–26 (1936) и в уже упоминавшемся выше томе «Революционные демократы», «Ф. М. Достоевский в работе над романом “Подросток”: Творческие рукописи» (т. 77; 1965), «Неизданный Достоевский: записные книжки и тетради. 1860–1881 гг.» (т. 83; 1971), «Ф. М. Достоевский: новые материалы и исследования» (т. 86; 1973), «М. Ю. Лермонтов» (в двух книгах: тт. 43–46; 1941–1948), «Неизданный Лесков» (т. 101, в двух книгах; 1991–2000), уже упоминавшийся том «В. И. Ленин и А. В. Луначарский» (т. 80; 1971) и «А. В. Луначарский: Неизданные материалы» (т. 82; 1970), «Новое о Маяковском» (т. 65; 1958), «Н. А. Некрасов» (в трех книгах: т. 49–54; 1946–1949), «А. Н. Островский: Новые материалы и исследования» (в двух книгах; т. 88; 1974), «Щедрин» (в двух книгах: т. 11–14; 1933–1934), «В. А. Слепцов: Неизвестные страницы» (т. 71; 1963), «Л. Н. Толстой» (в двух книгах: т. 35–38; 1939) и «Лев Толстой» (т. 69, в двух книгах; 1961), «Из парижского архива И. С. Тургенева» (т. 73, в двух книгах; 1964) и «И. С. Тургенев: Новые материалы и исследования» (т. 76; 1967), «Федор Иванович Тютчев» (т. 97, в двух книгах; 1988–1989), раздел, посвященный Чернышевскому в томе «Революционные демократы» (т. 67; 1959), «Чехов» (т. 68; 1960).

²¹ *Полевая П.* Каждый том — открытие: к 45-летию издания «Литературного наследства» // В мире книг. 1976. № 10.

²² «Неизданные “Философические письма” Чаадаева» (т. 22–24) были опубликованы В. Ф. Асмусом и Д. И. Шаховским. Дневник В. Ф. Одоевского 1858–1869 гг. увидел свет в публикации, озаглавленной «Текущая хроника и особые происшествия» (публикаторы: Б. Козьмин, М. Брисман и М. Аронсон) и появившейся в т. 22–24. Там же были напечатаны и «Путевые письма И. А. Гончарова из кругосветного плавания», которые подготовил к печати и прокомментировал Б. Энгельгардт, а также автобиография К. Леонтьева «Моя литературная судьба» (публикаторы: Н. Мешеряков и С. Дурылин). Публикация «Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И. М. Симолина» (т. 29–30) была подготовлена к публикации Н. Лукиным, Е. Александровой и О. Старосельской. Монографическое исследование И. Зильберштейна «Николай Бестужев и его живописное

наследие», посвященное истории создания портретной галереи декабристов, составило вторую книгу 60-го тома «Декабристы-литераторы». Материалы из собрания П. Киреевского составили 79-й том (см. прим. 19). Текст незавершенного трактата Ф. Тютчева «Россия и Запад», подготовленный к печати К. Пигаревым, появился во 2-й книге 97-го тома с предисловием В. Кожина и комментариями Л. Ланского. Статья Н. Чернышевского «В оправдание памяти честного человека» была опубликована Н. Чернышевской в т. 25–26. Незданная статья М. Салтыкова-Щедрина «Современные призраки» — одна из «хроник», предназначавшихся для «Современника», появилась с предисловием А. Луначарского в первом «щедринском» томе (11–12). Записные книжки и тетради Ф. Достоевского за 1860–1881 гг. были подготовлены к печати Л. Розенблум и напечатаны с ее вступительной статьей (а также со статьей Г. Фридлендера) и комментариями в 83-м томе «Неизданный Достоевский»; «Расшифрованный дневник А. Г. Достоевской», текст которого был восстановлен из стенографических записей вдовы писателя стараниями Ц. Пошеманской, был опубликован в 86-м томе «Ф. М. Достоевский: новые материалы и исследования» со вступительной статьей и примечаниями С. Житомирской. Обширная публикация «Яснополянских записок» Д. Маковицкого заняла четыре книги 90-го тома «ЛН», подготовленного совместными усилиями научных сотрудников ИМЛИ и Государственного Музея Л. Н. Толстого в Москве, 94-й том включил в себя текст первой завершенной редакции «Войны и мира», подготовленной к печати Э. Зайденшур. Третья книга сочинения С. Федорченко «Народ на войне» была опубликована в 93-м томе Н. Ракицким и Н. Трифоновым.

²³ Перечисленные эпистолярные блоки увидели свет на страницах следующих томов (в той последовательности, в которой они названы в тексте): 55-го, 56-го и 57-го («В. Г. Белинский»); 102-го («И. А. Гончаров»); 51–52 (Н. А. Некрасов); 88-го («А. Н. Островский», в двух книгах); 16–18 («Александр Пушкин») и 58-го («Пушкин. Лермонтов. Гоголь», «пушкинский» раздел тома); 13–14 («Щедрин»); 37–38 («Л. Н. Толстой»); 69-го («Лев Толстой», вторая книга тома) и 75-го («Толстой и зарубежный мир», первая книга тома); 73-го (Из парижского архива И. С. Тургенева, вторая книга тома); 92-го, 89-го, 98-го (в двух книгах), 72-го, 95-го и 70-го.

²⁴ См. предыдущее прим. Мемуарно-эпистолярные подборки, посвященные Гоголю, Тютчеву и Достоевскому были опубликованы в томах 58 («гоголевский» раздел тома), 97 («Федор Иванович Тютчев»), 86 («Ф. М. Достоевский»).

²⁵ Герцену и Огареву посвящены следующие тома «ЛН»: 39–42 («А. И. Герцен», в 2-х книгах, 1941), 61–63 («Герцен и Огарев», 1953–1956), 64 («Герцен в зарубежных коллекциях»), 96 («Герцен и Запад», 1985), 99 («Герцен и Огарев в кругу родных и друзей» в двух книгах, 1997).

²⁶ Две книги вышедшего до войны тома «А. И. Герцен» (т. 39–42; 1941) в значительной части составили материалы, хранившиеся в Отделе Рукописей ГБЛ. Об их происхождении и о довоенной истории формирования «герценовско-огаревского» фонда см.: *Попов А.* Архивное наследие А. И. Герцена на родине и за рубежом // Герценовские чтения VIII: Материалы научной конференции. Киров, 2002. С. 10–12. См. также: *Житомирская С.* Судьба архива Герцена и Огарева // Герцен и Запад. М., 1985. С. 549–640. (Лит. наследство. Т. 96).

²⁷ Об участии И. Зильберштейна в судьбе Русского зарубежного исторического архива см.: *Зильберштейн И.* Парижские находки: эпоха Пушкина. М., 1993. С.12; *Артизов А.* И. С. Зильберштейн и возвращение в Россию культурных ценностей // Зильберштейн И. Штрихи к портрету. С. 42–70. С января 1946 г. «Пражская коллекция» находилась в ЦГАОР СССР. В Центральный Государственный архив литературы и искусства (первоначально — ЦГЛА СССР) поступила значительная часть материалов РЗИА, в том числе составивших фонд «Заграничный архив А. И. Герцена и Н. П. Огарева». Часть архива Герцена и Огарева, хранившаяся в библиотеке Софийского университета, была передана Болгарской Академией наук в дар Отделу рукописей ГБЛ; эти материалы получили название «софийская коллекция».

²⁸ Имеются в виду собрания Международного Института социальной истории (Амстердам), куда передал свой архив сын А. А. Герцена Владимир, Национальной библиотеки (Париж), куда поступила часть личного архива Н. А. Герцен, и Публичной и университетской библиотеки (Женева), купившей часть герценовского архива у родственников его внука Николая. В Отдел рукописей ГБЛ (ныне — РГБ) поступили копии писем и рукописей Герцена из Амстердама и др., копии материалов А. И. Герцена из Национальной библиотеки Парижа, Британского Музея, Бодленской библиотеки в Оксфорде. Колумбийский Университет (США) получил часть герценовского архива от младшей дочери Герцена Ольги Моно в 1952 г. (см.: *Попов А.* Указ. соч. С. 6–9).

²⁹ Текст статьи А. И. Герцена «Между старичками» был опубликован в 61-м томе («Герцен и Огарев») В. Путинцевым и Я. Черняком, а публикация «Былое и Думы». Автограф рассказа о семейной драме («Inside») была подготовлена И. Птушкиной для 1-й книги 99-го тома («Герцен и Огарев в кругу родных и друзей»).

³⁰ Публикация «Письмо Белинского к Гоголю» появилась в 1950 г. в 56-м томе «ЛН» за подписью К. Богаевской, однако подлинным ее автором является Ю. Оксман. Первоначально критический установленный им текст письма предполагалось опубликовать в 55-м томе, но главный редактор П. И. Лебедев-Полянский категорически запретил упоминать имя Оксмана, и работа была снята с печати на этапе корректуры, см.: *Азадовский М., Оксман Ю.* Переписка. 1944–1954. М., 1998. С. 64–65 (комментарий К. Азадовского). В следующем томе, несмотря на старания С. Макашина и И. Зильберштейна имя истинного публикатора восстановлено не было — текст был напечатан с предисловием К. Богаевской и комментарием Я. Черняка.

³¹ См. тома 4–6 (посвящен Гёте), 11–12 (посвящен М. Салтыкову-Щедрину), 31–32 (посвящен русской культуре и Франции, кн. II), 27–28 (посвящен русскому символизму), 29–30 (посвящен русской культуре и Франции, кн. I), 41–42 («А. И. Герцен», кн. I), 49–50 («Н. А. Некрасов», кн. I), 83 («Неизданный Достоевский»).

³² Монографии И. Зильберштейна и М. Алексеева — «Николай Бестужев и его живописное наследие» (вторая книга 60-го тома «Декабристы-литераторы») и «Русско-английские литературные связи: XVIII век — первая половина XIX в.» (т. 91).

³³ *Кольцов М.* Важный кирпич // Правда. 1926. 5 марта.

³⁴ Так в тексте.

³⁵ Упомянутое «исчезновение» марки РАПП и ЛИЯ Комакадемии произошло в результате ликвидации РАПП апрельским постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций»; передача «ЛН» в ведение АН СССР — после закрытия (также по решению ЦК ВКП(б)) Жургаза в мае 1938 г.; переход в ИМЛИ РАН осуществился по решению ЦК КПСС после известного скандала с томом «Новое о Маяковском».

³⁶ Упомянуты представители официального советского литературоведения, в разные годы занимавшие руководящие посты в академических институтах, а также и в «ЛН»: *Лебедев-Полянский* Павел Иванович (наст. фам. Лебедев; 1882–1948), глав. ред. в 1934–1948 гг.; *Еголин* Александр Михайлович (1896–1959), глав. ред. в 1949–1955 гг.; *Виноградов* Виктор Владимирович (1895–1969), академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР (1950–1963), глав. ред. в 1956–1960 гг.; *Анисимов* Иван Иванович (1899–1966), директор ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР (1952–1966), глав. ред. «ЛН» в 1961–1966 гг.; *Щербина* Владимир Родионович (1908–1989), зам. директора ИМЛИ, глав. ред. «ЛН» в 1967–1989 гг.

³⁷ О Ф. Раскольникове см. прим. 8; *Парадизов* Петр Павлович (1906–1937, репрессирован), в 1930-е гг. — старший научный сотрудник Комакадемии, в 1933–1934 гг. — заместитель Л. Авербаха на посту ответственного редактора «ЛН»; *Тимофеев* Леонид Иванович (1904–1984), заведующий Отделом советской литературы ИМЛИ (1941–1970), сотрудничал с «ЛН» как автор с 1935 г., в 1940-е — 1980-е гг. был членом редколлегии серии; *Окс-*

ман Юлиан Григорьевич (1895–1970), автор «ЛН» с 1932 г., в редколлегии — в 1960–1964 гг.; *Благой* Дмитрий Дмитриевич (1893–1984), в редколлегии — в 1961–1984 гг.; *Храпченко* Михаил Борисович (1904–1986), академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР (1967–1986), в редколлегии «ЛН» — в 1955–1959 гг.

³⁸ *Котрелев* Николай Всеволодович (р. 1941), член редколлегии «ЛН» с 1988 г., а в 1990–2008 гг. — зав. Отделом «ЛН» ИМЛИ РАН; *Кузнецов* Феликс Феодосьевич (р. 1931), с 1990 г. — главный редактор «ЛН»; *Муратова* Ксения Дмитриевна (1904–1998), в 1960–1980-е гг. — член редколлегии «ЛН»; *Палиевский* Петр Васильевич (р. 1932), член редколлегии «ЛН» с 1977 г.; *Розенблюм* Лия Михайловна (1922–2011), как редактор участвовала в подготовке томов «ЛН» с 1958 г., с 1987 г. — член редколлегии; *Трифонов* Николай Алексеевич (1906–2000), в 1960–1990-е гг. — научный сотрудник, член редколлегии, а позднее — ответственный секретарь «ЛН».

³⁹ *Сергиевский* Иван Васильевич (1905–1954), в 1930–1950-е гг. — научный сотрудник и автор «ЛН»; *Эфрос* Наталья Давыдовна (1892–1989), сотрудничала с «ЛН» с 1933 г. как автор, переводчик с французского и редактор; *Жданов* Владимир Викторович (1911–1981), автор редакционных статей в двух довоенных «толстовских» томах «ЛН» (1939).

⁴⁰ Опущена повторяющаяся ниже информация об участии в «ЛН» И. Андроникова.

⁴¹ *Шиллер* Франц Петрович (1898–1955), литературовед, специалист по западноевропейской литературе. В первых двух томах «ЛН» появились прокомментированные им публикации «Фридрих Энгельс о литературе» и «Фридрих Энгельс о Бальзаке»; *Габричевский* Александр Георгиевич (1891–1968), искусствовед, литературовед, переводчик. В томе «Гёте» (4–6) опубликовал обзор «Автографы Гёте в СССР»; Григорий Александрович *Гуковский* (1902–1950, репрессирован), историк русской литературы. Как редактор, автор и текстолог сформировал том 9–10 (посвященный XVIII веку).

⁴² *Сиверс* Александр Александрович (1866–1954), генеалог, нумизмат, коллекционер; *Святополк-Мирский* Дмитрий Петрович (1890–1939, репрессирован), литературный критик, публицист; *Мазон* Андре (Mazon André, 1881–1967), французский ученый-славист; оказывал поддержку «ЛН» в поиске архивных материалов во Франции.

⁴³ *Эйхенбаум* Борис Михайлович (1886–1959), литературовед; ему принадлежат статьи, открывающие 1-ю и 2-ю книги «лермонтовского» тома (т. 43–46) — «Литературная позиция Лермонтова» и статья «Казанская тетрадь Лермонтова». *Пахомов* Николай Павлович (1890–1978), музейный работник, коллекционер, автор исследования «Живописное наследство Лермонтова», опубликованного во 2-м «лермонтовском» томе. *Козьмин* Борис Павлович (1883–1958), историк литературы и общественной мысли, сотрудничал с «ЛН» с 1933 г.; для двухтомника «А. И. Герцен» (т. 39–42) подготовил ряд публикаций, а также статью «Из литературного наследия Н. И. Сазонова» (всего же — более 15 публикаций).

⁴⁴ *Андроников* (Андроникашвили) Ираклий Луарсабович (1908–1990), писатель, литературовед, в 1933–1934 гг. был внештатным сотрудником «ЛН». О своем сотрудничестве с «ЛН», а также об истории издания томов серии, ее авторах и редакторах он рассказал в очерке «Издание высокого класса», впервые опубликованном в журнале «Вопросы литературы», а позднее перепечатанном в двухтомнике «Избранные произведения» (М., 1975. Т. 2). Приведем небольшой фрагмент из этого очерка: «Началось с того, что в январе 1933 года И. Зильберштейн приехал в Ленинград, позвонил мне, — в ту пору мы ни разу друг друга не видели! — вызвал меня в Пушкинский Дом и заявил, что я должен стать в Ленинграде постоянным представителем “Литнаследства”. Говорил он с такой настойчивостью, так нетерпеливо и властно, что представлять в Ленинграде редакцию должен именно я, и столько раз раскрывался при этом сигнальный гетевский том, и показывались цветные вклейки и суперобложка, и упоминалась марка Гознака, и отношение Кольцова к изданию, и отношение ко мне Б. Эйхенбаума, Ю. Тынянова и К. Чуковского, что это они рекомендовали меня и отказа моего не поймут, так часто повторял: “Верьте мне”, “Бесспорно, вы сделаете большую ошибку, если откажетесь”, “Клянусь, вы будете благодарить

нас!" — что я был совершенно ошеломлен и колебался недолго». *Лавровский* Виктор Константинович (1890–1938, репрессирован), библиофил, коллекционер, генеалог, в 1935–1938 гг. — ленинградский представитель «ЛН».

⁴⁵ *Рабинович* Мария Рувимовна (?–1959), секретарь-редактор «ЛН».

⁴⁶ Упомянуты, помимо названных ранее: *Ланский* (Каплан) Леонид Рафаилович (1913–2000), литературовед, текстолог, в «ЛН» в 1940–1990-х гг.; о Н. Эфрос см. прим. 39; *Богачевская* Ксения Петровна (1911–2002), историк литературы, библиограф, в «ЛН» с 1949 г.; *Роскина* Наталия Александровна (1927–1989), историк литературы, мемуарист, литературный критик, редактор, в 1951–1959 гг. — сотрудница «ЛН»; *Дубовиков* Алексей Николаевич (1905–1984), литературовед в «ЛН» в 1950–1980-х гг.; *Динесман* Татьяна Григорьевна (1922–2011), историк литературы, текстолог, сотрудничала с «ЛН» с 1958 г., в 1968 г. становится научным сотрудником «ЛН»; *Благоволина* Юлия Павловна (1928–2005), в «ЛН» в 1978–2005 гг.; *Коляда* Елена Григорьевна (1927–1992), в «ЛН» в 1980–1992 гг.

⁴⁷ На полях автографа пояснение С. Макашина: «Перечень томов “ЛН” с указанием их редакторов и коллективов». Указанный «перечень» сохранился в архиве Отдела «ЛН».

⁴⁸ Речь идет о томе 89-м «Александр Блок. Письма к жене».

⁴⁹ Пропуск в тексте.

⁵⁰ Названы литературоведы: *Алексеев* Михаил Павлович (1896–1981), *Асмус* Валентин Фердинандович (1894–1975), *Берков* Павел Наумович (1896–1969), *Бонди* Сергей Михайлович (1892–1983), *Бродский* Николай Львович (1881–1951), *Гиппиус* Василий Васильевич (1890–1942), *Гроссман* Леонид Петрович (1888–1965), *Гудзий* Николай Каллиникович (1887–1965), *Гусев* Николай Николаевич (1882–1967), *Десницкий* Василий Алексеевич (1878–1958), *Долинин* (Искоз) *Аркадий Семенович* (1883–1968), *Дурылин* Сергей Николаевич (1886–1954), *Евгеньев-Максимов* (Максимов) *Владислав Евгеньевич* (1883–1955), *Жирмунский* Виктор Максимович (1891–1971), *Зайденшнур* *Эвелина Ефимовна* (1902–1985), *Мордовченко* Николай Иванович (1904–1951), *Орлов* Владимир Николаевич (1908–1985), *Тарле* Евгений Викторович (1875–1955), *Томашевский* Борис Викторович (1890–1957), *Тынянов* Юрий Николаевич (1894–1943), *Цявловский* Мстислав Александрович (1883–1947), *Чуковский* (наст. имя: *Корнейчуков* *Николай Васильевич*) *Корней Иванович* (1882–1969).

⁵¹ *Эджертон* Вильям Бенбоу (Edgerton William Benbow; 1914–2004), американский славист, сотрудничал с «ЛН» как автор с 1961 г., ему принадлежат три публикации (в 69-м, 95-м и 99-м томах), посвященные литературному и эпистолярному наследию Толстого, Горького и Герцена; *Гранжар* Анри (Granjard Henry; 1900–1979), французский литературовед, участвовал как автор (публикация писем к Тургеневу Фридриха Боденштедта) в 73-м томе «Из парижского архива И. С. Тургенева». Среди авторов «ЛН» «Ф. Воль» не установлен.

⁵² *Аксельрод-Ортодокс* (урожд. *Аксельрод*) *Любовь Исааковна* (1868–1946), философ и литературовед, автор статьи «К вопросу о мировоззрении Щедрина» в 1-м «щедринском» томе «ЛН» (11–12); *Дейч* Лев Григорьевич (1855–1941), деятель революционного движения, публицист, журналист, опубликовал в том же «щедринском» томе воспоминания «М. Е. Салтыков-Щедрин и русские революционеры»; *Зиновьев* (наст. имя: *Радомыслский* *Евсей Аронович*) *Григорий Евсеевич* (1883–1936, репрессирован), политический деятель, автор статьи «Большевики и наследство Щедрина» (т. 11–12); *Луначарский* *Анатолій Васильевич* (1875–1933), общественный деятель, литератор, критик. Об участии Луначарского в подготовке первых томов «ЛН», о его взаимоотношениях с «ЛН» см.: *Трифонов* Н. Луначарский — участник «Литературного наследства» // А. В. Луначарский: Неизданные материалы. М., 1970. С. 493–496. (Лит. наследство. Т. 82); *Фигнер* *Вера Николаевна* (1852–1942), деятель революционного движения в 1879–1883 гг., литератор, в 1-м «щедринском» томе был опубликован ее ответ на составленную С. Макашиным анкету «Русские революционеры 70–80 гг. о Щедрина»; *Ауэзов* *Мухтар Омарханович* (1897–1961), казахский писатель, драматург и ученый, автор одной из трех статей (две другие принадлежат М. Рыль-

скому и К. Федину), открывающих 68-й том «Чехов»; *Леонов* Леонид Максимович (1899–1994), писатель, его «Слово о Толстом» открывает 69-й том, посвященный Л. Толстому; *Немирович-Данченко* Владимир Иванович (1858–1943), режиссер, один из основателей Московского Художественного Театра, драматург, прозаик, автор воспоминаний «Щедрин в Художественном театре» в 1-м «щедринском» томе (т. 11–12); *Рыльский* Максим Фадеевич (1895–1964), украинский поэт и переводчик, ему принадлежит статья «Чехов — художник» в «чеховском» томе; *Симонов* Константин (Кирилл) Михайлович (1915–1979), поэт, прозаик, драматург, журналист; в работе над «военным» 78-м томом К. Симонов особенно поддерживал «ЛН»: написал предисловие к тому, выделил группу литераторов по сбору материалов, поставил на обсуждение отчет «ЛН» о томе на заседании в СП СССР. Позднее, как председатель комиссии по литературному наследию М. Булгакова, он способствовал работе над несостоявшимся «булгаковским» томом «ЛН», см.: *Трифонов Н.* Его дружба с «Литературным наследством» (К 80-летию со дня рождения К. М. Симонова) // Филологические науки. 1996. № 3. С. 90–93; *Федин* Константин Александрович (1892–1977), писатель, общественный деятель, его «Слово о Чехове» открывает 68-й том «ЛН» («Чехов»).

Приложение

СЕРГЕЙ МАКАШИН

СЛОВО НА ПОХОРОНАХ И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНА 25 МАЯ 1988 Г. В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМ. А. С. ПУШКИНА

Умер Илья Самойлович Зильберштейн. Ушел из жизни человек редкого своеобразия и яркости, видный деятель отечественной культуры.

Судьба свела меня с ним давно, в 1931 году. С тех пор, то есть на протяжении 57 лет, наша трудовая жизнь шла в одной упряжке, в служении одному делу, имя которому «Литературное Наследство». Инициатива создания этого широко известного теперь издания, а затем и активная работа в нем в течение почти шести десятилетий — главная заслуга И<льи> С<амойловича>, хотя, конечно, вместе с тем и заслуга всего советского литературоведения. Лучшие его силы участвовали и участвуют в трудах редакции. Но честь и слава перво-создателя издания принадлежит И<лье> С<амойловичу> и такую останется в истории.

Я выступаю с этим прощальным словом от имени и по поручению всей редакции «Л<итературного> Н<аследства>».

Но прежде чем сказать о ценности вклада, внесенного И<льей> С<амойловичем> посредством «Л<итературного> Н<аследства>» в отечественную культуру, я хочу сказать о некоторых чертах характера этого необыкновенного человека.

Я убежден, что не брошу никакой тени на И<лью> С<амойловича>, если скажу, что в неординарности его характера и личности были и трудные черты,

в их числе его крайняя импульсивность и наличие определенных противоречий. Говоря так, я должен добавить, что не знаю ни в истории, ни в современности ни одного истинно талантливого деятеля, который был бы лишен противоречий и был бы абсолютно приемлем по своим взглядам и поступкам равно для всех людей. Такого не бывает.

Важны, однако, не отдельные противоречия и те или иные поступки, не для всех приемлемые, а те фундаментальные основы, на которых они зижились. Такой подход может показать, что некоторые особенности характера и поступки И<льи> С<амойловича>, вызывавшие с первого взгляда осуждение, являлись максималистскими издержками того положительного, что было в его богатой натуре.

Каковы же были определяющие черты характера и личности И<льи> С<амойловича>? Этот вопрос мне как-то задал в присутствии К. А. Федина Корней Ив<анович> Чуковский.

Я ответил, что, на мой взгляд, главной чертой характера И<льи> С<амойловича> является его ни с чем не сравнимая целеустремленность в каждом деле, в каждой задаче, которые увлекали его. Мне казалось, что для И<льи> С<амойловича> не существовало целей, которые, будучи поставлены им перед собой, не могли бы быть достигнуты (по крайней мере, в его сознании). В нем как бы заключалась некая пружина, предельно сжатая, к<отор>ую в нужный момент он распускал, получая от этого заряд огромной энергии и работоспособности. Оба собеседника, и Федин, и Чуковский, знавшие И<лью> С<амойловича> еще с его ленинградской молодости, согласились со мной.

Вместе с тем при всем своем реализме и практицизме И<лья> С<амойлович> был своего рода Дон Кихотом дела, работы, практики. В своих страстных увлечениях «делом» он иногда ставил перед собой задачи такого масштаба и таких сроков, которые явно были неосуществимы. В качестве примера сошлюсь на задуманные и заявленные им публично планы будущих томов «Л<итературного> Н<аследства>»¹. Все эти замыслы теоретически реальны. Но для осуществления их потребовались [бы] «мафусаиловы» века как для самого И<льи> С<амойловича>, так и для его соредакторов и помощников в редакции.

Сказанное не означает, что страсть к делу, к работе, к прямым практическим результатам — относилось ли это к собиранию и публикации рукописей или произведений изобразительного искусства — заглушала все другие элементы духовной сферы в личности и поступках И<льи> С<амойловича>. Конечно, это не так, хотя И<лья> С<амойлович> и не был охотник говорить о чем-либо, кроме «дела». Разного рода элементы нравственной сферы, разумеется, присутствовали в нем, но были менее видны, загораживались для многих его всегда бурной практической энергией и деятельностью.

Вот всего один, но хорошо памятный пример доброты И<льи> С<амойловича> и его внимания к тем, кто попадал под колеса социальных несчастий — пример из далекого прошлого.

Поздняя осень 1931 года. Холодный день, со снегом, дождем и ветром. И<лья> С<амойлович> и я идем по Каменному мосту (старому), направляясь к академику Е. В. Тарле. На время его приездов из Ленинграда в Москву для чтения лекций у него была квартира в т. н. Доме Правительства.

В конце моста мы встречаем мальчишку-беспризорника. Дрожащий от холода и голода, посиневший, с ногами, обутыми вместо обуви в тряпки, он пел своим мальчишеским дискантом блатную песенку, аккомпанируя себе на двух деревянных ложках. В шапочке его, брошенной на асфальт тротуара, было всего несколько монет. И<лья> С<амойлович> сначала вынул портмоне, чтобы что-то положить мальчишке. Но потом импульсивно изменил решение и сказал: «Возьмем его, ведь пропадет!» Мальчишка испугался, побежал, но был пойман нами и доставлен в квартиру академика. Домработница, хорошая русская женщина, накормила и вымыла мальчишку, а И<лья> С<амойлович> просидел более часу за телефонными разговорами об устройстве мальчишки, отвез его на вызванной машине академика в соответствующее учреждение для беспризорных ребят и дал в частном порядке деньги на его одежду.

Хочу сказать еще о другом привлекательном элементе в характере и личности И<льи> С<амойловича> — его чуждости всем формам и видам бюрократизма и вместе с тем присущей ему гражданской смелости в поступках.

Должен показать это на примере, относящемся к моей собственной биографии.

Должен потому, что позиция И<льи> С<амойловича> в данном случае сыграла весьма важную роль в моей жизни. И, прощаясь с И<льей> С<амойловичем>, я не могу не принести ему в этом поминальном слове еще раз свою благодарность, которая жила и живет во мне всегда, сверх всех барьеров, разделявших нас в последние годы.

Вот какое было дело.

В 1931 году я был арестован по делу заграничного бюро меньшевиков². Судебный открытый процесс по этому делу произошел тогда в Москве. Обвинения, предъявленные мне, были настолько нелепы, вздорны, что вскоре же после окончания процесса, просидев два [дня] в подвале Лубянки, а затем Бутырской тюрьмы, я был освобожден, без всяких видимых результатов и дискриминации. Однако обратно на работу в редакцию БСЭ, где я служил, совмещая службу с учебными занятиями в Университете, меня не взяли. Служил же я секретарем Отдела ЛИЯ, который возглавлял тогда А. В. Луначарский. К нему я и обратился за советом и помощью: что же мне делать, мне и жене³ моей не на что было купить даже еды. А<натолий> В<асильевич> сказал мне: «Попробуйте обратиться к Кольцову (Мих<аилу> Е<фимовичу>). У него в Жургазобъединении, я слышал, затевается новое интересное издание по истории литературы». А<натолий> В<асильевич> позвонил при мне Кольцову и через ½ часа я был у него на Страстном бульваре, где помещался руководимый им Жургаз. Выслушав меня, Кольцов сказал, что действительно новое издание затевается, что имя ему «Лит<ературное> Наследство», но что делом этим занимается И. С. Зильберштейн, который все и решит. Через несколько минут я был в комнате, где впервые увидел молодого тогда И<лью> С<амойловича>. Он сидел за столом, заваленным рукописями и уже гранками набора готовившегося к выпуску № 1 «Лит<ературного> Наследства».

Поинтересовавшись очень кратко: кто я и что могу делать для издания, — И<лья> С<амойлович> сразу же заказал мне публикацию для 1-го же тома издания — это была публикация забытого рассказа С<алтыкова> «Испорченные дети» — и решительно сказал: «Будем работать вместе», и добавил: «Завтра

же принести документы, необходимые для оформления в штат». Конечно, я не скрыл от И<льи> С<амойловича>, что я только что из Лубянки и Бутырок. На это он сказал одно из любимых своих словечек «Чепуха»: «Раз Вас освободили и оставили жить в Москве, значит все в порядке».

Но когда на другой день я явился с нужными документами к И<лье> С<амойловичу>, он сообщил мне, что с оформлением в штат пока ничего не выходит. Из троих тогдашних редакторов «Л<итературного> Н<аследства>»: Авербаха, И. Ситковского и Ф. Раскольникова, — первые два высказались против и лишь Раскольников поддержал зачисление.

Но И<лья> С<амойлович> был решителен. Он вновь повторил «Чепуха»: «Будем работать вместе, а деньги я пока буду платить из гонорарных сумм, а там все образуется». Так оно и получилось. Так я оказался работником «Л<итературного> Н<аследства>», и это на всю жизнь.

Я остановился на нескольких чертах характера и личности И<льи> С<амойловича>, потому что мы прощаемся сегодня не только с деятелем, но и с весьма необыкновенным человеком, с индивидуальностью, к<отор>ая — увы — может сохраниться надолго лишь, в основном, [в] памяти тех, кто непосредственно знал этого человека.

Когда-то Герцен, находясь в Италии, обратил внимание на большие солнечные часы на площади. Они были обрамлены надписью, обращенной от имени солнца к человеку: «“Я восхожу и ухожу, чтобы опять появиться. Но ты, человек, когда-нибудь уйдешь без возврата (“senza ritorno”)”. Без возврата»⁴.

Герцен, много думавший во вторую половину своей жизни о трагедии смерти, спорил с этой надписью.

Он говорил: «Без возврата» уходит только сам человек, его плоть и его живая индивидуальность, сочетание определенных физических и [моральных?] элементов, созданное природой и обществом. Но остаются дела человека, который не бесплодно прошел свой жизненный путь.

В этом отношении судьба, жизнь и деятельность И<льи> С<амойловича> были богаты. Он оставил после себя много результатов, ценностей, которые долго будут служить обществу. Главной из этих ценностей является, конечно, «Л<итературное> Н<аследство>», в создании и последующей работе которого он сыграл такую большую роль и чему посвятил большую часть своей долгой жизни.

Говорить сейчас подробно о «Л<итературном> Н<аследстве>» — не место и не время. Но в самой краткой форме можно сказать, что общее значение «Л<итературного> Н<аследства>» можно определить как постоянно действующий источник обогащения истории русской литературы и общ<ественной> мысли ранее не известными материалами. Среди них немало вещей исключительного значения и ценности. Таковы, например, публикация портретной галереи декабристов кисти Ник. Бестужева, это публикация самого И<льи> С<амойловича>, или материалов собранного нами огромного заграничного архива Герцена и Огарева, о чем когда-то мечтал Ленин⁵. Общее количество этих опубликованных и изученных документов достигает более многих десятков тысяч. Это огромное обогащение литературно-исторического документального фонда отечественной культуры.

И мне думается, лучшим памятником И<лье> С<амойловичу> было бы скорейшее издание справочника-путеводителя по вышедшим томам «Л<ите-

ратурного> Н<аследства>» (скоро их будет 100). Вместе с тем это было бы и завершением одной из последних больших работ, над которой редакторски трудился И<лья> С<амойлович>.

Прощайте, И<лья> С<амойлович>. А Вы, Н<аталья> Б<орисовна>⁶ и другие близкие к И<лье> С<амойловичу>, еще раз примите от всей редакции «Л<итературного> Н<аследства>» глубокое соболезнование.

¹ В этом же архивном деле сохранилась вырезка «Литературной газеты» от 21 ноября 1979 г. с интервью И. Зильберштейна «Душа обязана трудиться...». В этом интервью в числе готовящихся томов «ЛН» упоминались как вышедшие позднее тома (89-й, «Письма Александра Блока к жене»; 91-й, «Русско-английские литературные связи»; 92-й, «Александр Блок: новые материалы и исследования», 101-й, «Неизданный Лесков»), так и не осуществленные: «Неизданный Горький» (в 2 кн.), «Горький в неизданной переписке современников», «Русско-американские культурные связи» (в 2 кн.), «Константин Федин: новые материалы и исследования», «Русская сатира XX века: неизданное и забытое», «Марина Цветаева: новые материалы и исследования», «Анна Ахматова: новые материалы и исследования» и др.

² Судебный процесс над членами так называемого Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков) прошел в Москве в марте 1931 г.

³ Велембовская Таисия Михайловна (1912–1994).

⁴ Ср. в письме Герцена М. К. Рейхель от 1 октября (19 сентября) 1852 г.: *Герцен А.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 24. М., 1961. С. 344–345.

⁵ С. Макашин ссылается на устные воспоминания М. Ольминского начала 1930-х гг.: «Он передавал разговоры с Лениным, сказал, что Ленин завещал ему: “Михаил Степанович, когда дойдет дело (а он имел в виду, конечно, будущую революционную Россию), Вы, с вашими интересами, должны будете заняться двумя вещами: собрать полностью архив Герцена и Огарева, который весь рассеян за границей, издать, конечно, его, и издать собрание сочинений Щедрина”» (аудиозапись беседы с С. Макашиным от 24 февраля 1985 г. — Отдел устной истории Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова, № 882).

⁶ Волкова Наталья Борисовна (род. 1924) — вдова И. Зильберштейна.